

В СЕРИИ
«МИРЫ РАТКЕВИЧ»
ВЫШЛИ:

«ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ»:

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ
РУКОЯТЬ МЕЧА
МЕЧ БЕЗ РУКОЯТИ

«НАЙЛИССКИЙ ЦИКЛ»:

ТАЭ ЭККЕЙР!
ЛАРЕ-И-ТА'Э

ВНЕ ЦИКЛА:

ВРЕМЯ ЗОЛОТА, ВРЕМЯ СЕРЕБРА
ПАРАДОКСЫ МЛАДШЕГО ПАТРИАРХА
НАЁМНИК МЁРТВЫХ БОГОВ
ДЖЕТ ИЗ ДЖЕТЕВЕНА

Вера Камша
Элеонора и Сергей
Раткевич

ВРЕМЯ ЗОЛОТА,
ВРЕМЯ СЕРЕБРА

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
P25

Камша, В., Раткевич, Э., Раткевич, С.

P25 Время золота, время серебра / В. Камша, Э. Раткевич, С. Раткевич. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 428 с. – (Миры Раткевич).

ISBN 978-5-517-00565-6

...Это было давно. Подземные воители-цверги вышли из пещер Петрии, чтобы захватить земли жителей «верхнего мира» — землю людей. Казалось, ничто не может остановить победоносное шествие закованного в стальную броню гномьего шарта, покорявшего один край за другим. Таны Олбарии готовились принять последний, неравный бой, но неожиданно пришла помощь. Эльфы Изумрудных Островов встали рядом с олбарийцами, и захватчики были разбиты. Победённые поклялись никогда не поднимать меч на победителей, и им разрешили вернуться в свои пещеры. С тех пор прошли века. Эльфы исчезли, Петрия затаилась, а в мире людей честь всё чаще уступала подлости, а меч кинжалу. Занятым войнами и интригами олбарийцам стало не до старых врагов. А зря...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-00565-6

© Вера Камша, текст, 2019
© Элеонора Раткевич, текст, 2019
© Сергей Раткевич, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ВЕРА КАМША

CRATAEGUS SANGUINEA¹

ВРЕМЯ ЗОЛОТА

ПОВЕСТЬ

Элеоноре Раткевич

*Я помню ее только живую. Она живет в моей памяти.
И когда меня не станет, ее не станет вместе со мной.
Мы умрем в один и тот же миг, будто убитые одной молнией,
и в этот миг для нас кончится война.*

Вадим Шефнер

¹ Crataegus sanguinea (Боярышник кроваво-красный) — распространенное в Европе дерево 4–6 метров высотой. Живет около 300 лет. Ветви пурпурно-коричневые с немногочисленными колючками. Цветет в мае — июне белыми цветами, собранными в густые щитки, плоды продолговатые, кроваво-красные, созревают в августе — сентябре. Осенью листья приобретают разнообразную окраску золотистых и красных оттенков. В европейской традиции боярышник считается растением духов и фей. Венок из майских цветов боярышника — знак девственности, непорочности или чудесного зачатия. Считалось, что в зарослях боярышника обитает «малый народец». Цветущий боярышник символизирует надежду и весну. В греко-римской культуре боярышник выполнял роль свадебного цветка. В Британии уверены, что боярышник защищает от колдовства. Подобные же свойства приписывали боярышнику древние римляне, а вот срубившего боярышник, по мнению ирландцев, ожидало несчастье.

ПРОЛОГ

Осень. Поражение

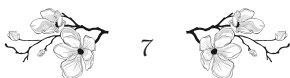

ы не можем его бросить, —
Хьюго Дерракотт тряхнул
обязанной окровавленной
тряпкой головой и едва не
взвыл от боли, — не можем!..

— Сядь и успокойся! — прикрикнул Ники Глоу. Он был младше Хьюго и по годам, и по титулу, но сегодняшнее, вернее, вчерашнее сражение стерло различия. — Если сдохнешь еще и ты, никому легче не станет. Разве только Дангельту, чтоб ему провалиться!

— Провалится, — уверенно произнес Джон Лейси и объяснил, куда именно провалится Малкольм Дангельт и его прихвостни. Джон был простым стрелком, но поражение сносит стену между полководцем и ратником. Победа тоже, но лишь на мгновение, а потом возводит новую, до небес.

Хьюго поморщился и опустился на землю рядом с Фрэнси Элгеллом. Судьба провела Фрэнси через айнсвикский ад без единой царапины, но лучше б он был ранен или мертв, а Эдмунд жив. Битва давно кончилась, а Элгелл все еще видел рвущуюся вперед фигуру в залитых кровью доспехах и красно-белый стяг, стелющийся в синем небе, словно борзая. То, что сделал Эдмунд, было

безумием, но другого выхода не было, если не считать бегства. Проклятый Бэнки! Предатель, мерзавец, неблагодарная тварь! Но что теперь махать руками? Даже сдохни Дангелът, даже околеет все, кто дрался за ледгундское золото, Эдмунд не встанет. Твоего короля больше нет, Фрэнси, нет и никогда не будет! Он больше не засмеется, не взмахнет рукой, не откинёт назад волосы, не скажет, что ненависть порождает лишь ненависть и что страна устала от войны, в которой изначальная правота давно никого не волнует...

Сэр Фрэнсис Элгелл поднял валявшуюся у огня трехрогую ветку и швырнул в костер. Пламя вцепилось в новую добычу, что-то треснуло, к звездам взлетела стайка искр.словно обезумевший оранжевый снег, которому вздумалось идти вверх. Лорд Элгелл подождал, пока погасла последняя искра, и встал.

— Ты куда? — подозрительно спросил Хьюго.

У бедняги начинается лихорадка, вряд ли он утром сможет идти сам. Ничего, понесем, знать бы еще куда. Бежать в Соану? В Арсалию? Поднимать восстание? Восстание во имя кого? Если повезет, они отомстят, а дальше? Олбарии нужен король, но Доделлинов больше нет. Эдмунд был последним в роду, он вообще был последним. Больше рыцарей в этом мире не осталось, выжившие люди с золотыми шпорами и гербами не в счет. Рыцарь — это не звучный девиз и не родословная длиной в лигу, рыцарь — это милосердие, совесть, благородство, это то лучшее, что вложил в наши души Господь...

— Ты куда? — повторил Хью.

— К Эдмунду, — бросил Элгелл. Мертвый ли, живой, Эдон оставался его королем. — Конечно же, я иду к Эдмунду.

— Я с вами, милорд, — Джон неторопливо поднялся, он вообще все делал неторопливо. На первый взгляд.

— С ума сошли? — не очень уверенно произнес Глоу. — Что мы можем?

Фрэнси замялся, не найдя слов. Их нашел Джон.

— Мы его похороним. — Стрелок деловито осмотрел свою перевязь. Лорд на его месте сказал бы «или умрем», но сын йентского смолокура не отличался говорливостью.

— Вы до него не доберетесь, — молчавший до этого сэр Кэтсбри покачал тяжелой головой. — Его стерегут каррийцы.

— Ублюдки. — Казалось, из горла Джона сейчас вырвется рычание.

Элгеллу тоже хотелось зарычать и вцепиться в горло победителям. Эдмунд всегда был честен с врагами и милосерден с пленными, а его швырнули в грязь у колодца для скота. Голым! И раструбили о своем подвиге на всю округу. Олбарийцы не должны усомниться в смерти побежденного короля, олбарийцы должны видеть его труп...

— Будь проклят Малкольм, — глухо произнес Хьюго и с трудом поднялся. — Дангельты не знают, что такое честь.

— Ничего, — буркнул Джон, — наш аббат говорит, мельницы Господа мелют медленно, но наверняка. Они свое получают, ой получают... И за короля, и за лягушачье золото...

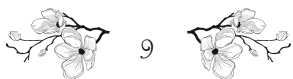
— Хьюго, — Фрэнси с подозрением глянул на друга, — ты-то куда собрался?

— Я — рыцарь, — лицо Дерракотта скривилось от боли, — и я не могу...

— Можешь, — прикрикнул Глоу, — не хватало еще с тобой возиться! Сиди и жди... Если что, помянешь нас в своих молитвах. Нас и короля. Но мы вернемся...

Хьюго кивнул и послушно опустился на распластанный на земле плащ. Четверо мужчин утрюмо переглянулись и скользнули в темноту, пятый остался. Он был слишком воином, чтоб не понимать, что станет не помощью, а обузой. Он сейчас не годился ни на что, позади было поражение, впереди... Хью не знал, сколько и каких дней отпущено ему, но готов был отдать жизнь за то, чтоб похоронить своего сюзерена, и душу за то, чтоб смерть узурпатора не была легкой. Если есть справедливость, ублюдок будет подыхать долго и в полном сознании...

Рыцарь вздохнул, и это было ошибкой: боль хлестнула по виску и спине огненным кнутом. Эдмунда тоже ударили в спину, ударили, когда до прячущегося за наемников ублюдка оставалось

совсем немного. Король Олбарии так и не повернул коня, влетев в вечность с боевой секирой в руках.

Выпала роса, в черном небе одно созвездие сменялось другим, ветер пошевелил ветки и уснул, а Хью сидел у костра, время от времени подбрасывая в огонь собранный Джоном хворост. Сил думать не было. Сил вообще не было, боль и та отползла куда-то, чтоб вернуться с рассветом и вцепиться в отлежавшуюся жертву. Боль не питается мертвечиной.

— Осторожно!

Вернулись! Вернулись, дьявол их побери. Дерракотт вскочил, пошатнулся, но умудрился не упасть. Закусив губу, он стоял и смотрел, как Фрэнси расстилает плащ, а стрелок укладывает на него неподвижное тело. Глоу и Кэтсбри не было, Хью не стал спрашивать, где они, все было ясно и так. Меч Фрэнси лежал на примятой траве, и кровь на нем была свежей. Хорошо, что Джон силен как бык, он нес Эдмунда, пока другие прикрывали ему спину. Хорошо, что Эдмунд не отличался богатырским сложением, хотя и был первым бойцом Олбарии... Был... Больше не будет, воин проиграл трусу...

Отогнав огрызнувшуюся боль, Хью Дерракотт стал на колени перед тем, кто еще утром носил корону Олбарии. Хотя при чем тут корона?! Хью был верен сюзерену, но любил он человека, и человек этот стоил любви как никто другой. Его любили все, кроме тех, кто ненавидел.

Эдмунд лежал на алом рыцарском плаще и, казалось, спал. Он казался хрупким и очень молодым, младше своих неполных тридцати трех. Будь прокляты убийцы во веки веков, прокляты до последнего колена! Фрэнси молча расправил темные волосы короля, нечаянно коснулся ссадины и виновато отдернул руку.

Эдмунда Доаделлина убили в спину, спереди на теле виднелось лишь несколько синяков, и еще была ободрана щека — когда победители сдирали с убитого одежду и доспехи, они не церемонились.

Джон дважды обошел поляну и остановился у куста боярышника. В здешних краях «королевский куст» растет везде. Бо-

